

Живы великие

**Борис Шергин.
Из дневника 1939 года
(ноябрь – декабрь)**

Борис Шергин известен нам как писатель, фольклорист, публицист, сказочник. Но стоит заглянуть в его «Дневники разных лет», и перед нами встаёт великий философ и богослов.

Я отчаялся, горе душу сжало: почему иные хапают и у них тысячами насыпано, не знают, что придумать? ...И вдруг коснулось сердца: а ты кем быть обещался? Не иноком ли? На что ты родился? Забыл ты преподобного Сергия? Не нищету ли и он, чудный, принял на себя? И тебе ли надуваться и надмеваться теперь, когда всечестные кости великого отца нашего Сергия Радонежского валяются в плену? Тебе ли, сору, навозу, возвышаться? Отнята красота от нас Божиим промыслом. А «тем» не завидуй: черви они, кишащие в труп.

Тишину Ты, Господи, дай мне в сердце, чтобы слушать-то мне Тебя. Редка, мимолетна была эта радость в сердце. Конечно, может быть, раньше я недарованное восхищал. Встают в уме «начальники тишины», манят светло в мир покоя, тишины, немерцающего света. Оптинские сборники (оптинских старцев – Ред.)... Ведь жили эти иноки теперь, в нашей обстановке. Ещё дома те стоят, где они, чудные, обитали.

То, что сейчас не рисуют так, как прежде, не могут так рисовать, говорит о склерозе человечества. Не вовсе без ума некто говорил, что лучшие произведения, например, писатель создает до 30 лет. (Я бы сказал: наиболее взволнованные.) Ну... до 50 лет. А мир ведь уж дряхл, дряхл... Европа особенно.

В молодости, можно сказать, всяк поэт, всяк художник. В молодости творческое живёт. Весело смолodu жить. «Что это иду да наиттись не могу. А теперь, – говорит старуха, – радость вся потерялась». Это болезнь,

это сейчас в искусстве ненормальное состояние, что рисование иссякло. «Senectus ipse morbus» (старость сама-болезнь)... И надо, конечно, лечиться. Но не надо отчаиваться. Надо только знать, что это болезнь, это состояние ненормальное в искусстве. В нездоровом теле сей дух. Далёкие от искусства, от художества, никогда не касавшиеся рисования, громят и раскатывают, топчут копытами рисующих. Мнят себя быть, может быть убеждённо, правыми. А они больные, жалкие склеротики, дети декаданса, дети дряхлости и упадка. Это неврастения, психастения. Но ежели и ты, и я потеряли здоровье (веру), дак всё же не считай своё такое состояние нормальным, а лечись, понимай, верь, что правильными были убеждения (рода человеческого) в цветущих годах, при разуме, при расцвете сил умственных, душевных и телесных. А наши времена – упадок, болезнь, идиотизм, маразм. Болезнь века: так тому и быть.

***

Книга как человек. Книга – мир богатейший (говорю о настоящей книге) собран в ней. Она невелика стоит на полке, а всё в ней. И человек, её написавший, и мир, им описанный. Возьми патерик Оптинский, возьми Дамаскина (Валаамский)... Волны, небо, море, острова, история; века и люди сохранены прекрасные, чудные. Всё перед тобой оживает, как только книгу раскроешь. Дела их, речи, поступки живые, яркие, блестящие, искрящиеся. Люди патериков, они более живы, чем все мы, ещё тащающие ноги по земле. Посмотри,

повторяю, на в чёрном переплете патерики. Какая сила, какая мысль, какие характеры, какой героизм! Сколько света, воли! И всё это чудным, дивным образом собрано, осталось в малой книжице. Такая книга как оконце в мир светлый, бодрый, радостный, здоровый. Такая книга – чудные духи во флаконе. Книгу такую раскроешь – как из чёрной ночи в золотой, вешний день войдешь; из нищеты в богатство.

Да, я-то беден, нищ, а царское одеяние у меня на полке. Я-то озяб, трясусь, а летнее солнце у меня вон стоит. Я-то болен, а вон лекарство вечное, испытанное. Я в грязи, а вон моя баня. Я в тосках, в печалях, а вон моя радость. Протяни руку... Я слепну телесными глазами, а она книга очи душевные раскрывает. Ты заблудился, а она путеводитель. Ты голоден, а она святая книга – хлеб неистощимый. Вот что книга. Книга настоящая...

***

Они, святые-то, ведь древние... А что есть древность? О, как она относителна... Ведь и матери нет, а вот их письма, и чернила ещё не пожелтели. Вот кофта материна, кошелек её. А вот Нинушкины (сводная сестра по отцу. – Ред.) вещи. Отец Виктор Васильевич, уж и вещей его мало: писемцо, запись из книжечки. Бабушки Олены Кирилловны что есть ли? А тётину, она давно ли умерла, а что есть? Патерик Соловецкий, спорок шубный. А иные и прошлый год умерли, а ни синь пороха не оставили.

Да ещё вот, что фотографии многих есть, кои покойные и тряпки

по себе не оставили. Но я знаю, что они были. Со мной они, во мне они живы... Я свидетель. Не было бы меня да фотографий, да и недавние они, недавно умершие, уж как бы не бывшими оказались. Всё равно, что сто лет умерли они, что десять лет. Это в малом, в моём роду. Но так и в большом, и в великом.

Не было бы о великих людях свидетелей, описавших их, не было бы портретов их, не было бы имени их, и мир не знал бы о них. И их бы всё равно что не было. Конечно, от великих дела остались, писания их.

И это живёт, этим ещё живы великие. «Умолкли Иоанна Златоуста уста, он оставил нам другие свои уста – книги». Так что великие вдвойне живы...

Но всё равно: я хочу доказать, что всё равно, что десять лет, что пятьдесят, что сто лет, что триста лет назад и пятьсот, а может быть, и тысячу лет назад жил человек. Уж как нет в теле человека, дак всё равно, всё равно, что десять годов не вижу, что двадцать пять, что сто лет (мамы нет 18 лет, сестрёнки – 8 лет, отца – 35 лет)... А разве не всё равно... Какая разница, что, скажем, мама бабушка умерла в 1863 году, отец отца – в 1865-м... 75 лет назад... А Нина – 7 лет? Живы бы, дак менялись, старились. А нет их в теле, дак они перестали меняться. Время для них не существует. Они уж вечные. Приложились ко отцам своим и стали вне времени.

Относительная вещь – время. Оно только для этого болеющего тела существует. А так вообще времени нет. Условно это счисление времени. Онтологически не время проходит, а проходим мы. Т. е. вот этот участок бытия своего в теле и измеряй, а как в вечность канешь, дак пустое дело – вычислять.

...Таким образом, как сделался человек невидим здесь, ушёл туда, где нет времени, но жизнь вечная, где нетление, дак и не глупи, не считай, что вот те древние «отцы», «чудотворцы», а эти «новые»: мы их застали. Ты этих знал, а бабка твоя тех давних видела и слышала. Ты Нектария знал, а бабушка твоя Амвросия знала лично... Все они «в Боге почивают». Значит, жалкая земная мерка о времени не существует для них...

...Как-то нам надежнее, что вот в этих стенах жил и душу Господеви

↑ *Борис Шергин в молодости*

предал Серафим Саровский. ...Вот его рукавицы, сапоги на прямую колодку. Чудно это и радостно. И об Оптинском радовании, Амвросии, знаем, что хоть полсотни годов преставился, а келлия его еще вчера тут вот была сохранна. А карточки с живого везде и старики о. Амвросия помнят.

Древние в «те» эпохи жили. Жизнь, культура, быт – все иное было. А эти-то в наше время, в нашей обстановке, среди знакомых нам вещей жили. Они по-нашему одевались, говорили, снимались, на таких же стульях сидели, вот эти книги в руках держали. Уж очень это любо, и светло, и радостно, что среди нас они жили, среди наших отцов и матерей.

...И сразу же сообрази: а вот две келейных преподобного Сергия иконы, перед коими так же точно, как Серафим Саровский, молился, на коих Сергий угасающий взор остановил. Серафим близок, а Сергий почему далёк? Вот тебе и ризы Сергиевы пестрядинные, и его ученика фелонь и книга тут.

Добавлю, наконец, что и тому радуешься о святых нашего времени, что они доказательство пребывания благодати в церкви Христовой и в наши дни.

Убоги, жалки, скаредны ценности мира сего. Только вера Христова есть действительность. Только Мессия – истинная реальность.

***

Зимний завтра Никола. Так по белым снегам его и прокатывает Русь-га... Цвет сей не теряет благоухания...

Он жил на далёком юге. Жил много веков назад. И тут вот какое дивное

дело: Русь его присвоила, на Руси Никола – «скорый помощник». «Никола – скоропомогательное имя». Монастыри, храмы, деревни, корабли – сколько их, посвящённых святому Николу.

Русь (как и греки) не сделала из св. Николая ёлочного деда, как в Америке. Как он есть, таким Николу имеет Святая Русь...

В каком доме не было его лика пречестного? И много ли ликов краше, любимее лика Николы Милостивого?.. А в храмах сияние свеч, тёмный измождённый лик с высоким челом, взгляд, проникающий в душу... Малоазиатский грек, живший в IV веке. Но кто более жив, чтим и любим, чем он? Кто не знает его? Про кого больше рассказов и легенд?! Жизнь святителя Николая на Руси – разительный пример тому, что счисление веков – IV, V... XX – важно только для учебников. А в церкви «древность» и современность сливаются...

На Пинеге «вырезной» Никола ежегодно снашивает сапоги. «Поглядишь: подмёточки все уж сношены... Он ходит». Да где только не расскажут вам о новых чудесах св. Николы...

Полной жизнью живёт «святой Николае» на Руси. Что там 70 его лет на дальнем юге, в безвестном тогда граде: его жизнь, жизнь в Византии, в России, в Италии, во Франции, в Германии... настоящая жизнь святителя Николая – это последние полторы тысячи лет. Скажем, с V по XX столетие! Вот этот «период» жизни святителя как раз богат событиями, происшествиями... Европа, Азия, Америка... Везде он!

Да... В Церкви, в религии всё так. В теле жив, невелико место занимал, а сбросил и везде стал. Отошёл святой ко Господу, и сразу «деятельность» его крылья, размах получает.

Как только человек святой жизни, о Господе почивший и Господу угодивший, ко Господу преставился, он иногда сразу, иногда постепенно (это самое разительное!) со всеми рядом, с людьми-то становится... Полторы тысячи или тысячу лет назад жил в теле святой, но, начав жить жизнь вечную, стал одинаков и XV веку, и веку XX. Века сего света проходят, а живущий жизнь вечную всё тот же. Тамо жизнь неизменяемая, нестареющая.

¹ Шергин, Б.В. Праведное солнце. Дневники разных лет. / Б.В. Шергин / – С-Петербург: Библиополис, 2009. – 656 с.